

Старик и Тетис

Андрей Лободинов

ФАНТАСТИКА

В кубанской станице начинался один из тех долгих дней середины лета, когда торопиться особо некуда.

— Улитка! — К старику подбежала внучка Янка, протягивая ему причудливо закрученную окаменевшую раковину аммонита. — Камень-улитка!

— Где нашли? — спросил старик, рассматривая диковинные завитки.

— В бахче, прямо под кавуном, — ответила Янка.

— Во времена Потопа тут был окиян, рыба-кит в воде плескалась, а над ней ковчег Ноя плыл, — степенно начал рассказывать старик.

— Ага. — Быстро выхватив ракушку, девочка убежала хвастаться дальше. Она уже слышала это, поскольку раковины находили здесь нередко.

Янку пока баловали, хотя уже скоро начнут брать на покос и другие работы.

Старик же отправился на охоту. Это было его любимое времяпрепровождение. Ходил он обычно к холмам, среди которых выступали скальные породы.

Пока еще безымянная, просто Скала, выделялась среди невысоких изумрудных холмов. Старик использовал ее в качестве ориентира. Но до самой скалы не поднимался. Что за глупость — лезть в гору?

Так рассуждали и другие станичники, прокладывая из молодой станицы тропки в лес да к реке. Дрова, охота, рыбалка, а на скале что? Ну, может, земляника рядом растет, так ее и ближе хватало. Была бы угроза со стороны горцев, в миг бы до скалы добрались — там подходящее место для сигнальной вышки. Живо лезли бы вверх, и глаз с округи не спускали бы, мысленно хмыкал старик, вспоминая молодость, когда война с горцами полыхала вовсю — десятками тревожных огней на сигнальных вышках.

Теперь же, когда горцев почти усмирили, станица, находясь в тылу линейных поселений, позволяла себе некоторую беспечность.

Подстрелив перепелку, старик лег отдохнуть в тени алычи. Вдали грохотал гром, небо над горизонтом подернулось дымкой, где-то там хлестал ливень. Старик подобрал более-менее целый плод из мелкой падалицы, сдул с него муравья, съел, поморщившись от легкой кислинки, и выбросил косточку в траву. Подумал о том, кто посадил это дерево, мысленно поблагодарил его. А ведь в молодости разве что ругнулся бы из-за кислятины.

Клонило в сон. С ним теперь это бывало часто. Чуть что, уставал, дремал на солнышке. Жинка беззлобно ворчала, чего никогда не позволила бы себе в молодости, когда он умкнул ее, молодую и красивую, у горцев.

А по ночам старик, наоборот, часто просыпался. Во сне к нему приходили товарищи, которых он схоронил во время войны с турками и «дел» с горцами. Вели неспешные беседы о былом. Когда старик просыпался, щемило сердце.

Бывало, он видел и тех, кого убил. Их было немало. Они смотрели на старика без угрозы или укора, равнодушно — ведь если бы не он их, то они его... но сердце поутру ныло особо. Не от страха и не от раскаяния, а от несправедливости этого мира — если не ты, то тебя.

В последнее время сердце не давало старику забыть о себе. В молодости его биения не замечаешь, а в старости прислушиваешься все чаще.

Старик перевел взгляд на белевшую среди густой зелени скалу. Вспомнив о находке внучки, впервые задумался, как эта скала выглядела среди моря во времена библейского потопа.

Многие годы, день за днем, старик смотрел на эту одинокую скалу, но никогда не поднимался к ней. Вот так живешь, добываешь себе и детям своим хлеб насущный, себе еще и глоток доброго вина... а где-то там духмяные нехоженые травы, и нагретая солнцем скала, и выше нее — только небо.

От идущего неподалеку ливня жара, казалось, отступила.

Старик поднялся. «Совсем сдурил на старости лет, куда тебя несет?» Отряхнув бешмет и поправив ружье на плече, упрямо начал подъем. Национальное казачье упрямство давало о себе знать, даром что седой уже.

Склон зарос непролазным терновником, пришлось идти по густой траве вдоль кустов терна до небольшого леска, занимавшего балку справа от скалы. Там, в тени вековых деревьев, терн не рос, его сменил кизил, но довольно редкий, идти стало легче. Деревья справа примыкали почти к самой скале. Переведя дыхание в тени деревьев, старик вскарабкался на скалу и изумленно присвистнул — вид открывался потрясающий. Самой станицы видно не было, лишь пара дымков выдавала ее местоположение. Среди леса, то скрываясь за деревьями, то блестя на солнце, змеилась Кубань. Лес у реки станичники прозвали Светляковым — первые поселенцы забрели в глубь леса в середине лета и, запозднившись, увидели вечерний лет светлячков, который длится всего-то пару недель. Старик тогда был ребенком.

Видами старик любовался недолго, огорченно цыкнув, — дождь явно уходил в сторону от его станицы. Высаженным этой весной виноградным чубукам хороший ливень бы не помешал.

Рассматривая скалу сверху, старик увидел едва заметный вход в пещеру или грот. Туда вела узенькая скальная полка. Если бы о пещере узнали станичные мальчишки, сюда бы началось целое паломничество. Хорошо, что далековато от станицы — не ровен час, кто-нибудь навернулся бы со скалы. Поколебавшись, старик полез в пещеру. В одном месте пришлось ползти на четвереньках, чтобы не стукнуться головой. Наконец он вошел внутрь грота, перешагивая через помет летучих мышей.

Тоннель вел довольно глубоко, по бокам он был изрезан небольшими карстовыми полостями, а по правую руку ответвлялся боковой проход. Пробираясь по пещере прямо, старик уперся в узкий ход, который вывел его в тоннель, где он уже был. Это оказалось то самое боковое отверстие. То есть пещера образовала петлю. Старика ничего не оставалось, как направиться к выходу.

Снаружи раздавался мерный шум. Старик ощутил резкое головокружение — схожее было, когда он во время одного из «дел» с горцами оказался высоко в горах.

А когда старик вышел из пещеры, в лицо ему неожиданно хлестнули прохладный воздух и соленые брызги.

Вокруг скалы расстилось море. Бушевал прибой, белела пена, а затем — темная вода, на горизонте переходившая в серое небо. Волны мерно катились, сколько хватало взора, и упорно обрушивались на скалу, словно желая сокрушить ее. Но старик уже знал, что скала выстоит.

Собравшись с мыслями после удивительного открытия, он понял, что оказался на скале в те далекие дни, когда она была среди океана, от которого и оставались окаменевшие морские раковины в земле.

Старик прикинул, что если от сотворения мира по Библии прошло, считай, семь с половиной тысяч лет, а потоп был спустя две тысячи лет от сотворения мира... если так, то выходило, что старик перенесся на пять тысяч лет назад.

Впрочем, расскажи ему кто, что года исчисляются не тысячами, а миллионами, а вокруг него бушует еще совсем молодой первобытный океан Тетис, старик едва ли удивился бы сильнее.

Присев на камень, старик изумленно смотрел на море. Быть может, он до сих пор спит под сенью дерева и это сон? Нет, точно не сон. А если он умер и сейчас на том свете? Вот эта мысль уже заставила старика сомневаться.

Старик озираясь, сам не зная, что хочет увидеть. Может, сидящего на скале ворона, которого Ной отпустил со своего ковчега перед голубем? Или орла, который летит клевать печень Прометею, прикованному к скале где-то здесь?

Небо было пустым. Море было пустым. Скала была безжизненной.

Старик вернулся в пещеру. Прошел по образованному пещерным тоннелем кругу, направился к выходу с замиранием сердца... перед ним расстились бескрайние поля, лес, дымки над станицей.

Старик снова направился в пещеру. Там снова было море. Опытным путем старик выяснил, что оказывается на берегу моря, только если пройти по кругу. Если еще раз пройти по пещере, возвращаешься в свое время. Если же вернуться из пещеры к входу с середины пути, то останешься в том времени, в котором был.

С той поры старик поднимался к пещере каждый день. Море покорило его. Он сидел на камне и смотрел на мерно катящиеся волны. Это примирило его с миром. Ему было явлено великое чудо, старик не знал, что с ним делать, он просто смотрел на море.

Спать старик стал крепче. Кашель, из-за которого он даже забросил свою глиняную трубку, — а значит, кашель ему и правда крепко досаждал — почти прошел. Вот голова по-прежнему сильно кружилась — этот перепад резко чувствовался еще в пещере.

Море каждый раз представляло разным. В тот, первый раз оно было еще не такое уж бурное. Однажды старика чуть

было не смыло в океан гигантской волной, едва он вышел из пещеры. Вдобавок бушевала гроза, и молния ударила прямо в скалу. Одурающий запах озона старик запомнил до конца своих дней. Он едва не оглох от грома, промок до нитки и расшиб колено о камень, после чего прихрамывал.

Хорошо еще, в его времени денек выдался погожий, и старик, приложив к колену подорожник, обсох на солнце перед возвращением в станицу. Так он избежал беззлобных шуток соседей и объяснений с жинкой.

На одежде остались кристаллики соли. Патроны, бывшие в газырях, старик тоже высушил, но позже пара из них дала осечку. Так древнее море спасло жизнь зайцу да жирной, низко летевшей куропатке, о которой старик особо досадовал.

В другой раз море оказалось совершенно недвижимым, словно зеркало в богатом курене. Таким старик его еще не видел. Вокруг царил немыслимый покой. Слезы благодарности навернулись на глаза старика. В тот день он сидел у моря особенно долго, созерцая заход солнца, следя, как его изначальный золотой цвет образует немыслимое множество оттенков. Вернулся домой затемно, с пустыми руками. Жинка, в молодости и пикнуть громко не смевшая, устроила ему нагоняй, старик отмолчался.

В следующий раз он взял на море удочку.

Посмотреть на диковинный улов сбежалась едва не вся станица.

— Что за рыба? Где поймал? — с азартом допытывали старика казаки.

— Места знать надо, — отвечал тот с загадочным видом. Потом решил, что особо темнить не стоит, дабы не привлекать лишнего внимания, и приврал: — На речном островке клюнула. Гутарят, что такие из моря на бой, на нерест то бишь, заходят дюже редко.

Пойманная рыба выглядела чем-то средним между налимом и диковинной ящерицей.

Старик побоялся кого-то отравить. Хотел дать кошке для проверки, но та недавно окотилась, и старику вдруг стало ее жалко. Так что первым попробовал диковинную рыбу сам. Обошлось без последствий.

Делиться своим открытием с другими старик не спешил. Хотя подумывал взять с собой Янку или внуков постарше.

В один из дней старик увидел рыбу прямо на берегу, на скале выше кромки воды. Видимо, во время прибоя она оказалась в лужице в углублении скалы. Вода из лужицы испарилась, оставив лишь белый налет морской соли. Рыба трепыхалась, пытаясь вернуться в такое близкое, но недостижимое море. Старик некоторое время колебался. Рыба так отчаянно билась на камнях, так жаждала жить, что он хотел бросить ее в море. Отогнав глупую мысль — сам же с удочкой пришел, — он взял рыбу и направился домой.

Станицы не было. На ее месте рос дремучий лес.

Старик почему-то сразу понял, что станицы нет. Нет его хаты, нет сыновей на службе — они не сложили голову в бою, — их просто нет. Нет внуков и Янки.

Нет людей на Земле.

Старик сел и заплакал, словно ребяенок.

Подобранная на скале рыба дернулась. Она до сих пор была жива. А старик жил уже долго и обладал особой мудростью, которая приходит с годами.

Он бросился назад к пещере. Он бежал. Задыхаясь, надсадно хрипя, он карабкался вверх так быстро, как мог. Слишком быстро. У входа в пещеру прихватило сердце. Старик застонал, упал, ногтями царапая камень.

Упрямо пополз по пещере, казавшейся теперь бесконечной.

Наконец, увидел море. Солнечные блики резали глаза после темноты пещеры. Трясущимися руками взял рыбу и бросил ее в воду.

Постепенно сердце отпустило. Старик поднялся, пошатываясь, вышел из пещеры и побрел домой.

Станица вернулась.

Жинка, увидев бледного, подряхлевшего в один день старика, ахнула. Уложила его, бросилась заваривать горные лечебные травы.

В пещеру старик вернулся лишь спустя три дня, когда жинка с причитаниями отпустила из хаты. В боковом коридоре обвалился потолок. Прохода по кругу больше не было. Моря, значит, тоже.

То самое чутье, которое подсказало старику вернуть рыбу в море, шепнуло ему, что расчищать проход бесполезно.

Это как с источником. Если его засыплет во время пыльных ветров с бескрайней степи, то родник зачахнет навсегда, «ослепнет», как говорили казаки. Даже когда ветра стихнут, его не откопать, как ни старайся. Может, появится где-то в другом месте...

К скале старик теперь поднимался изредка, просто чтобы посмотреть на окрестности. А вот рыбалки, и охоты заодно, стал избегать. Во всяком случае, как развлечения. Жизнь хрупка, старик не хотел кого-то ее лишать без особой нужды.

В один из дней к нему прибежала счастливая Янка с очередной окаменевшей ракушкой.

— Дед, а знаешь, что, если приложить ее к уху, можно услышать море? — спросила она.

Старик приложил ракушку к уху и долго-долго слушал.

